

Конфликт между ДРК и Руандой: причины, заинтересованные стороны, внешние факторы, перспективы разрешения

*Филатов Я. Н., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. проф. Фрольцов В. В., д-р ист. наук, проф.*

Вооруженный конфликт в Демократической Республике Конго, берущий свое начало в трагических событиях руандийского геноцида 1994 г., представляет собой сложный многослойный кризис, в котором переплелись этнические противоречия, борьба за ресурсы и геополитические интересы соседних государств. Этот конфликт, пройдя через несколько фаз эскалации, превратился в один из самых затяжных и разрушительных в современной истории Африки [3].

Истоки нынешней ситуации восходят к массовому исходу участников геноцида в Руанде, которые нашли убежище в восточных районах тогдашнего Заира. Образование военизированных группировок, таких как Демократические силы освобождения Руанды (ДСОР), создало постоянный источник напряженности в регионе. Ответные действия Руанды, сначала в форме поддержки повстанцев Лорана-Дезире Кабилы в 1996 г., а затем прямого военного вмешательства после разрыва с ним в 1998 г., привели к так называемой Африканской мировой войне – конфликту невиданного масштаба, унесшему жизни более пяти миллионов (5,4) человек к 2003 г. [6].

Особенностью постконфликтной ситуации стало превращение восточных провинций ДРК, особенно Северного и Южного Киву, в зону перманентной нестабильности. Местные вооруженные формирования, изначально создававшиеся как силы самообороны (например, майи-майи), постепенно деградировали в криминальные структуры, контролирующие добычу и незаконный оборот полезных ископаемых. Параллельно сохраняла активность ДСОР, что давало Руанде повод для продолжения вмешательства во внутренние дела ДРК [4].

Новую фазу конфликта ознаменовало появление в 2012 г. движения М23, которое, позиционируя себя как защитника интересов конголезских тутси, на практике применяло те же методы насилия и экономической эксплуатации, что и другие вооруженные группировки. После временного поражения в 2013 г. [5], М23 неожиданно возродились в 2021–2022 гг., демонстрируя беспрецедентную военную эффективность и захватывая стратегически важные территории при явной поддержке Руанды, что вызвало серьезный дипломатический кризис между двумя странами.

К началу 2025 г. гуманитарные последствия конфликта достигли катастрофических масштабов: более 6,7 млн внутренне перемещенных лиц, около 520 тыс. беженцев на территории ДРК и 1,1 млн конголезских беженцев за рубежом [1]. В осажденных городах, таких как Гома и Букаву, отмечались

вспышки холеры и острая нехватка продовольствия из-за блокады гуманитарных коридоров. Но уже в январе 2025 г. повстанцы М23 захватили Гому, столицу Северного Киву, перекрыв жизненно важные маршруты снабжения и захватив 2 млн гражданских лиц в условиях вспышек холеры и нехватки продовольствия (УКГД, февраль 2025 г.). К февралю 2025 г. они захватили Букаву – столицу Южного Киву, еще больше изолировав конголезские силы. Спутниковые снимки и перехваченные сообщения подтверждают, что М23 пользуется военной поддержкой Руанды, несмотря на опровержения.

Миссия ООН (МООНСДРК), несмотря на масштабное присутствие, оказалась неспособной эффективно противостоять эскалации насилия. Ограниченный мандат, разрешавший лишь действия по защите гражданского населения, но не активные наступательные операции против вооруженных группировок, существенно снижал эффективность миротворцев [2]. Это привело к массовым протестам местного населения, разочарованного неспособностью ООН обеспечить безопасность.

Многочисленные доклады экспертов ООН, подкрепленные спутниковыми данными и свидетельствами перебежчиков, не оставляют сомнений в прямой поддержке М23 со стороны Руанды [4]. Однако международное сообщество продолжает демонстрировать очевидную нерешительность в принятии эффективных мер по урегулированию кризиса, что позволяет конфликту сохранять свою разрушительную динамику.

Современная ситуация в ДРК представляет собой наглядный пример того, как последствия исторической трагедии – геноцида в Руанде, сочетаясь с экономическими интересами различных внешних акторов и слабостью государственных институтов, могут породить затяжной кризис, не поддающийся традиционным методам урегулирования. Отсутствие консолидированной позиции международного сообщества и нежелание ключевых игроков отказаться от практики использования прокси-групп для достижения своих интересов оставляют мало надежд на скорое разрешение этого многолетнего конфликта.

Литература

1. Violence in the Democratic Republic of Congo // Council on Foreign Relations. – URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/violence-democratic-republic-congo> (дата обращения: 13.04.2025).

2. Democratic Republic of the Congo – March 2025 Monthly Forecast // Security Council Report. – URL: <https://www.securitycouncilreport.org/monthly-forecast/2025-03/democratic-republic-of-the-congo-29.php> (дата обращения: 13.04.2025).

3. Prunier, G. The Rwanda Crisis: History of a Genocide / G. Prunier. – New York : Columbia University Press, 1995. – 424 p.

4. Доклад Группы экспертов ООН по ДПК (S/2001/357). – 11 p.
5. The Resurgence of the M23: Regional Rivalries, Donor Policy, and a Stalled Peace Process // eButeli. – URL: <https://www.ebuteli.org/publications/rapports/the-resurgence-of-the-m23-regional-rivalries-donor-policy-and-a-stalled-peace-process> (дата обращения: 13.04.2025).
6. Crisis Caused 5.4 Million Deaths in Congo, Report Says // CBC News. – URL: <https://www.cbc.ca/news/world/crisis-caused-5-4-million-deaths-in-congo-report-says-1.730463> (дата обращения: 13.04.2025).
7. Humanitarian Community in DRC Calls for \$2.54 Billion to Provide Lifesaving Assistance to 11 Million People Affected by Crises // UN OCHA. – URL: <https://www.unocha.org/publications/report/democratic-republic-congo/humanitarian-community-drc-calls-254-billion-provide-lifesaving-assistance-11-million-people-affected-crises> (дата обращения: 13.04.2025).
8. Humanitarian Community in DRC Calls for \$2.54 Billion to Provide Lifesaving Assistance to 11 Million People Affected by Crises // UN OCHA. – URL: <https://www.unocha.org/publications/report/democratic-republic-congo/humanitarian-community-drc-calls-254-billion-provide-lifesaving-assistance-11-million-people-affected-crises> (дата обращения: 13.04.2025).

Вопросы развития высшего образования в документах Коммунистической партии Китая (1992–2021)

*Хань Ваньчэнь, асп. БГУ,
науч. рук. проф. Свилас С. Ф., д-р ист. наук*

Съезды Коммунистической партии Китая (далее – КПК) играют важную роль в разработке и реализации государственной образовательной политики. В рассматриваемый период китайское высшее образование прошло путь от масштабного расширения до улучшения качества. Съезды КПК через законодательство и политику способствуют модернизации высшего образования и развитию международного сотрудничества, создавая основы для «образования в новую эпоху».

Основы развития и законодательные гарантии. На церемонии открытия Национальной научно-технической конференции председатель КНР (1992) Цзян Цзэминь впервые четко выдвинул стратегию «возрождения страны посредством науки и образования», подчеркнув важнейшую роль научных и технологических инноваций, а также образования в национальном развитии [1]. 15-й съезд КПК (1997) акцентировал внимание на необходимости «ускорения реформы образования и всестороннего внедрения качественного образования», что способствовало массовой и диверсификации высшего образования [2]. Образовательная политика, предложенная на 16-м съезде КПК (2002),